

УДК 82-3
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-194-201

Христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха»

Е. И. Шевчугова

*Сибирский федеральный университет
Красноярск, Россия*

Аннотация

Выявляются христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха», приводится их описание, интерпретация. Новизна определяется малой изученностью творчества Айтматова в целом и отсутствием работ, посвященных религиозной составляющей романа в частности. Методы изучения – историко-литературный, компаративный, мотивный анализ художественного текста.

Обобщается система взглядов на мир Авдия Каллистратова. Доказывается, что его образ и жизненный путь через избранность, одиночество, обреченность, сознание предначертанного и своей миссии соотносятся с образом и земной жизнью Христа. Важны и ветхозаветное имя героя, и его происхождение, и проводимая жизненная программа, и исход через распятие.

По мнению автора, человечество дошло до критической отметки, конца света, совершается Апокалипсис. Делается вывод о том, что «Плаха» – роман-предупреждение о грядущем конце времен, который современный человек приближает творимым злом, его масштабы огромны. Только трагический и героический подвиг людей, подобных Авдию, может замедлить этот процесс. При этом христианская доктрина не является единственно верной: вторая половина романа основана на пантеистических взглядах, демонстрируя синкретичность авторского взгляда на мир.

Ключевые слова

Ч. Т. Айтматов, «Плаха», Авдий Каллистратов, христианские мотивы, Гефсиманский сад, образ Христа

Для цитирования

Шевчугова Е. И. Христианские мотивы в романе Ч. Т. Айтматова «Плаха» // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология. С. 194–201. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-194-201

Christian Motives in Ch. T. Aitmatov's Novel *The Scaffold*

E. I. Shevchugova

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Abstract

In the following article, we identify the Christian motifs in the novel *Plakha (The Scaffold)* by Ch. T. Aitmatov, describe them and offer our interpretations. The novelty of our analysis stems from the fact that Ch. T. Aitmatov's body of work is still underresearched, particularly the religious components of this novel. Within our study, we employ the historical-literary, comparative, and motif analysis.

We summarize the worldview of Avdii Kallistratov as a system and show that his image and life journey as someone who experiences choice, solitude, fate, recognition of his predestination and mission resemble the image and earthly life of Jesus Christ. His Old Testament name, his origins, the course of his life, and the crucifixion as the ultimate outcome are all important.

According to the author, the mankind has reached the critical mark; the end of the world, the Apocalypse is advancing. We conclude that *The Scaffold* is a literary warning about the coming end of times, which is being drawn closer by the evils of modern humans. Only the tragic and heroic feats of people like Avdii can possibly slow this process down.

© Е. И. Шевчугова, 2019

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 9: Филология
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2019, vol. 18, no. 9: Philology

At the same time the Christian doctrine is not the only correct one: the second half of the novel is based on pantheistic views, demonstrating the syncretism of the author's worldview.

Keywords

Ch. T. Aitmatov, The Scaffold, Avdii Kallistratov, Christian motifs, Gethsemane garden, image of Christ

For citation

Shevchugova E. I. Christian Motives in Ch. T. Aitmatov's Novel *The Scaffold*. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 9: Philology, p. 194–201. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-9-194-201

История вопроса, постановка проблемы

Творчество Чингиза Айтматова вызывает стабильный, но сдержанный интерес в отечественном и зарубежном литературоведении. Советских исследователей писатель привлекал как яркий представитель региональной литературы: в 60–70-е гг. опубликованы несколько небольших очерков [Селивёрстов, 1966; Асаналиев, 1968; Глинкин, 1968; Лебедева, 1972; Воронов, 1976; Карим, 1978], в 80–90-е выходит ряд диссертаций и статей, касающихся национальной традиции и национального характера, авторской концепции человека [Мирза-Ахмедова, 1980; Гачев, 1982; Коркина, 1988; Строилов, 1988; Иманкулов, 1990; Шевченко, 1990; Пу Сяо Лун, 1993], но только в 2000-е появляются работы, основанные на современной методологии, вскрывающие сущностные основания произведений писателя [Мироненко, 2002; Мискина, 2004; Новикова, 2006; Тамаева, 2010; Аминева, 2013; Жиглий, 2013]. Причиной нам видится промежуточное положение автора между национальной и русской литературами, однако значимость его явно недооценена. По-прежнему не создано фундаментального труда, охватывающего творчество Айтматова в развитии и характеризующего сквозные мотивы его произведений. Это, по-видимому, остается актуальной задачей современного литературоведения.

Актуальность, практическая значимость

Изучение религиозных мотивов как в рамках одного текста, так и в сопоставительном анализе нескольких произведений является одной из важных задач айтматоведения. Предлагаемое исследование, надеемся, станет научным заданием для широкого изучения творчества писателя на современном этапе литературоведения и с использованием актуальных методов и инструментов. Таким образом, понимание значения Айтматова для отечественной и мировой литературы будет возрастать, расширяя научную картину советской литературы. Этим определяется практическая значимость исследования.

Изучение христианских оснований творчества писателей привлекает всё большее внимание ученых, формируется методологическая база, ведутся дискуссии о соотношении научного и религиозного дискурсов при исследовании конкретных текстов. Наиболее авторитетными можно назвать исследования И. А. Есаулова, С. Г. Бочарова, Л. Е. Герасимовой, Л. В. Журавиной и др. Значимо проведение коллективных обсуждений категории религиозности в литературоведении и публикация их результатов. Актуальность нашего исследования определяется его включенностью в одно из самых «живых» направлений современной науки о литературе [Гуманитарная мысль..., 2000; Круглый стол..., 2006]. Особенно актуально стоит вопрос о писателях советского периода: например, новейшая статья Н. В. Ковтун [2018] посвящена отношению В. Г. Распутина к вере и праведничеству.

Цель, методология, теоретические основания исследования

Цель настоящего исследования – выявить и описать христианские мотивы романа «Плаха». Объект изучения – мотивика романа Ч. Айтматова, предмет – религиозные образы и мо-

тивы. Новизна определяется малой изученностью творчества Айтматова в целом и отсутствием работ, посвященных религиозной составляющей романа в частности.

Теоретической основой исследования стала теория мотива И. В. Силантьева [1999], а также труды отечественных литературоведов: С. Г. Бочарова [2001], М. Л. Гаспарова, В. А. Непомнящего и др. [Гуманитарная мысль..., 2000]. Методы изучения – историко-литературный, компаративный, мотивный анализ художественного текста.

Результаты

Христианские мотивы, образы, идеи занимают в романе «Плаха» (1986) значительное место: ими насыщена первая и вторая части произведения, но их почти нет в третьей части, посвященной жизненной драме Бостона Урукчеева. Обозначенный круг тем связан прежде всего с историей Авдия Каллистратова. Имя дано герою ветхозаветное – оно упоминается в Библии в Третьей Книге Царств. Примечательно происхождение героя. Отец Авдия был провинциальным дьяконом, истово верующим, но понимавшим «условность того, что создано человеком от имени и во имя Бога» [Айтматов, 1987. С. 54]¹. Обратим внимание на детали портрета Авдия: бледное высокое чело, волосы до плеч, плотная каштановая бородка, не столько красивость, сколько благостное выражение лица, лихорадочный блеск серых навывкате глаз, выражавших непокой духа и мысли. Автор замечает, что герой испытывал многие тяжкие страдания от окружающих людей, к которым он шел с добром (с. 34).

Время действия романа – 50-е гг. XX в., крайне непростое для православной церкви. Спустя 30 лет Чингиз Айтматов поставит вопрос о необходимости возвращения к христианским заповедям. При этом авторский ход – от противного: он показывает, что человечество дошло до критической отметки, совершается Апокалипсис. В этой ситуации необходим поиск основ, которые могут дать опору почти безнадежному миру. Такой попыткой становятся проповеди Авдия. Он готов противостоять злу в одиночку: «Что есть глагол перед звонкими деньгами? Что есть проповедь перед тайным пороком? Как одолеть словом материю зла? Так дай же силы, не покидай меня в моем пути, я один, пока один, а им, одержимым жаждой легкой наживы, несть числа...» (с. 78).

Свое предназначение герой видит в проповедовании обновленного христианского вероучения, пытается найти «трибуну» через журналистику. Автор подчеркивает обреченность Авдия: с одной стороны, он посягает на неподвластные времени, тысячелетние неизменные пасхальные концепции, ревностно оберегающие чистоту вероучения от каких бы то ни было, пусть даже благонамеренных, новомыслей (с. 33); с другой – ему противостоит отвергающая религию как таковую могучая логика научного атеизма.

Осознаваемые героем обреченность, избранность, трагическое одиночество, но и невозможность отказаться от избранной миссии, сближают его с фигурой Христа; «На таких, как я, история отыгрывается, отводит душу...» (с. 54).

Важным для характеристики персонажа является эпизод со староболгарским храмовым хором, певчими, которых довелось Авдию услышать в Пушкинском музее, в Москве. Сама обстановка контрастирует с «мутным средоточием зла» Казанского вокзала. Повторы лексем «покой», «мир» и «благость» определяют настроение эпизода: торжественный и ликующий след голосов преодолевает пределы зла. Чувствительность героя к песнопениям показывает его вневременную и внепространственную связь с христианским миром, с его первоисточником: «...гимны, которые они распевали, словно исходили от меня, от моих собственных побуждений, от накопившихся болей, тревог и восторгов» – что демонстрирует избранность героя (с. 47, 51).

Авдий чувствует связь времен. Рассказывает: «А ведь как изучал в семинарии историю Христа – переносил Его муки на себя в такой степени, что плакал навзрыд». В диалог с героем вступает повествователь: «О, какое крушение мироздания видел он в том, что Христа рас-

¹ В дальнейшем ссылки на текст романа приводятся по этому изданию. В скобках указывается страница.

пьяли в тот жаркий день, на той горе на Лысой. Но не подумал в ту пору малоопытный юнец: а что, если существует на свете закономерность, согласно которой мир больше всего и наказывает своих сынов за самые чистые идеи и побуждения духа? Быть может, стоило подумать: а что, если это есть форма существования и способ торжества таких идей? <...> Что, если именно в этом – цена такой победы?» (с. 67); а спасение душ ценой жизни может оказаться итогом, судьбой, смыслом всего жизненного пути, – так он спасет свою душу (с. 85).

Теперь уже автор открыто проводит параллель между Авдием и Христом: «Поистине нет предела парадоксам Господним... Ведь был уже однажды в истории случай – тоже чудак один галилейский возомнил о себе настолько, что не поступился парой фраз и решился жизни. И оттого, разумеется, пришел ему конец... И тогда тоже, кстати, была пятница, и тот, кто мог спастись, тоже не догадался ради своего спасения сказать в свою пользу двух слов...» (с. 121).

Образ героя обогащается мотивами юродства: так, Обер-Кандалов называет его чокнутым, ненормальным, диким, а Гришан – настоящим идиотом (с. 107). Сочувствующие герои именуют по-другому – святой отец, поп, праведник, но, как мы полагаем, в том же смысловом поле (с. 110, 114).

Развернуто представлены рассуждения Авдия, вопросы, которые он сам себе задает. Это, в сущности, целая программа. Здесь герой становится резонером, открытым проводником авторской дидактики.

Признавая величие христианства, он собирается «искать новую, современную форму Бога, даже если мне никогда не удастся ее найти», «фигуру Бога-современника с новыми божественными идеями, соответствующими нынешним потребностям мира» (с. 68). Его собеседник, Виктор Никифорович Городецкий, парирует: Авдий пытается программировать Бога, умозрительно придумать. «Понимаешь, если бы Христос не был распят, он не был бы Господом. Эта уникальная личность, одержимая идеей всеобщего царства справедливости, вначале была зверски убита людьми, а затем вознесена, воспета, оплакана, выстрадана, наконец. Здесь сочетается поклонение и самообвинение, раскаяние и надежда, кара и милость – и человеколюбие». Плохо, что со временем это было извращено в угоду интересам определенных сил. Но Бог-мученик, который «пошел на плаху, на крестную муку ради идеи», всегда будет могущественнее и притягательнее, чем абстрактная идея, пусть это и современно мыслящее существо. Получается, что своей судьбой, пойдя на свою плаху, Авдий опровергает им же сформулированные теоретические построения. Это снова, как у Раскольникова, идея, проверенная практикой и не выдержавшая проверки жизнью. При этом герой чувствует невозможность для себя отказаться от пересмотра идей канонического богословия, понимая, что для церкви он становится богоискателем, что неизбежно приведет к отлучению (с. 69). Так, собственно, и происходит.

Последней каплей, после которой исключение Авдия из семинарии и отлучение его от церкви уже неизбежно, становится разговор героя и представителя Московской патриархии владыки Димитрия, который характеризуется как благообразный и благоразумный человек средних лет. Герой настаивает, что за столько веков, сколько христианское вероучение существует на земле, представление о Боге тоже должно было измениться: «Бог бесконечен. Но если человеческая мысль развивается, то Бог тоже должен иметь свойство развития». Если истина познана до конца, то это мертвое учение. Отец Координатор полагает эти мысли о ревизии вероучения заблуждением молодости, проявлением гордыни. Авдий же высказывает ключевой тезис: «Вне нашего сознания Бога нет», что трактуется собеседником так: «Ты мнишь, несчастный, что Бог лишь плод твоего воображения, а потому сам человек почти Бог над Богом, тогда как само сознание сотворено небесной силой» (с. 70–73).

Следующий вопрос Авдия: «Зачем было бы Богу создавать нас столь несовершенными, если бы Он мог избежать того, чтобы мы, Его творения, сочетали в себе одновременно две противоположные силы – силы добра и силы зла. Зачем бы Ему понадобилось делать нас столь подверженными сомнениям, порокам, коварству даже в отношениях с Ним самим»

(с. 73). По-видимому, герой здесь транслирует вопросы автора, который на протяжении всего романа рассуждает о балансе сил зла и добра в мире.

Наконец, вначале мирно настроенный отец Координатор предсказывает герою, что ему с такими мыслями не сносить головы и в миру, так как нигде не любят тех, кто подвергает сомнению что-либо – религию или идеологию. А мирская жизнь жестче, чем кажется. Авдий решительно утверждает, что «моя церковь всегда будет со мной» и «моя церковь – это я сам. Я не признаю храмов и тем более не признаю священнослужителей, особенно в сегодняшнем их качестве». Владыка Димитрий предрекает: «Мир научит тебя слушаться» (с. 73).

Первая и вторая части романа посвящены исполнению Авдием двух добровольно принятых им на себя миссий: внедрение в банду добытчиков анаши – «гонцов», и участие в работе команды расстрельщиков сайгаков в Моюнкумской саванне. «Вызволить души этих людей из-под власти порока, раскрепостить их, раскрыть им глаза на самих себя, освободить от вечно преследующего страха, отравляющего их, как яд, разлитый в воздухе», – так герой видит свой путь (с. 80). Подчеркивается трагическая сложность миссии: «зло противостоит добру даже тогда, когда добро хочет помочь вступившим на путь зла» (с. 80).

Таким же еретиком, каким стал для официальной церкви Авдий, является Гришан, главарь банды гонцов за анашой. Он саркастически утверждает: «Конкурент твой, понимаешь ли! Дорогу тебе перебежал» (с. 107). Его теория стройна, хоть и насквозь фальшива: «...у меня к Богу есть свой путь, я вхож к нему иначе, с черного хода. Не так твой Бог разборчив и недоступен, как тебе мнится... <...> Я помогаю людям изведать счастье, познать Бога в кайфе. Я даю им то, чего вы не можете дать им ни своими проповедями, ни своими молитвами... Своих людей я приближаю к Богу куда оперативнее, чем кто-либо. <...> На свете все продается, все покупается, и твой Бог в том числе <...> я, если хочешь знать, отвлекаю неутоленных, неустроенных. Я громоотвод, я увожу людей черным ходом к несбыточному Богу» (с. 109–110).

Авдий называет эти мысли концепцией антихриста. Гришан парирует: «Что стоит твое христианство без антихриста? Без его вызова? Кому оно нужно? Какая в нем потребность? Вот и выходит, что я вам необходим! А иначе с кем вам бороться, как продемонстрировать воинственность своих идей? <...> Вот и попробуй переубеди их, малолетних Ленек и разбитых Петрух, спасай их души, спаситель!» (с. 110).

Обе миссии композиционно параллельны, проходят по одному и тому же сценарию: понимание героем своей миссии – проповедь, попытка открыть людям глаза на творимое ими зло – жестокая расправа над Авдием. Параллелизм сюжетов поддерживается на уровне системы персонажей. Так, сходно вдут себя Гришан и главный застрельщик Обер-Кандалов. Лёнька и один из расстрельщиков попытались вмешаться в расправу над Авдием, но сами пострадали. Указанные сюжеты обрамляются двумя встречами с волчицей Акбарой. Обе демонстрируют избранность героя и его экзистенциальную связь с миром.

Глубокая и отчаянная любовь к Инге Фёдоровне открывает герою еще одно проявление Бога: «Бог, являя себя через любовь, дарует тем самым человеку наивысшее счастье бытия, и щедрость Бога тут бесконечна» (с. 35). Однако именно чувство героя заставляет его вернуться в Моюнкумы, из которых он чудом выбрался живым в первый раз.

Принципиальное значение имеет вставной объемный эпизод в Гефсиманском саду. Он поддерживает и без того прозрачную аллюзию Авдий – Христос. Этот сюжет, конечно, необходимо рассмотреть в сравнении с текстом романа М. А. Булгакова, но это тема отдельного исследования. Причем, очевиден и внутритекстовый параллелизм: Христос – Понтий Пилат и Авдий – отец Координатор. В этих диалогах проясняются идеи проповедников, предрекается их трагический исход. Эпизод в Гефсиманском саду категорично утверждает избранность героя, предначертанность его миссии. Кроме того, выводит повествование на притчевый уровень («Как и сто лет назад, ехали люди в поезде...»).

Смерть героя, распятого пьяницами на дереве в степи, коррелирует с гибелью Христа. Это событие, возвышающее героя, делает его миссию и жизнь ненапрасной.

Выводы

Для Айтматова христианская доктрина не является единственно верной. Вся вторая половина романа насыщена пантеистическими идеями, идеями о целесообразности и мудрости всего, происходящего в природе, пока в нее не начинает вмешиваться человек.

Весь разговор затеян ради главного вопроса: на что готов человек ради истины и добра? Пример Христа – ключевой: цена борьбы за истину – собственная жизнь. Айтматов довольно пессимистичен: зло почти всегда побеждает. Но, пока есть люди, подобные Авдию, есть надежда. Хотя в целом, «Плаха» – роман-предупреждение. Писатель рисует картины Апокалипсиса, тотального конца времен. Насколько напрасными или ненапрасными были эти жертвы, будет зависеть от тех, кому роман адресован: смогут ли люди увидеть, что человечество дошло до критической отметки морального падения. По Айтматову, вероятно, Страшный суд уже наступил. Христианское вероучение в обновленном варианте – один из путей, предлагаемых писателем.

Список литературы

- Айтматов Ч. Т.** Плаха: романы. Алма-Ата: Жалын, 1987. 574 с.
- Аминева В. Р.** Мифологизм в прозе Ч. Айтматова и современных татарских писателей // Филология и культура. 2013. № 2 (32). С. 45–51.
- Асаналиев К. А.** Открытие человека современности. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. Фрунзе: Кыргызстан, 1968. 150 с.
- Бочаров С. Г.** О религиозной филологии // Литературоведение как проблема: Тр. Научного совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». Памяти Александра Викторовича Михайлова посвящается. М.: Наследие, 2001.
- Воронов В.** Чингиз Айтматов. Очерк творчества. М.: Сов. писатель, 1976. 229 с.
- Гачев Г.** Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. 285 с.
- Глинкин П. Е.** Чингиз Айтматов. Л.: Просвещение, 1968. 112 с.
- Гуманитарная мысль: светская или религиозная? / М. Гаспаров, С. Зенкин, В. Непомнящий, Б. Парамонов, А. Ретблат, И. Роднянская // Знамя. 2000. № 7.
- Жиглий Ю. В.** Проблемы творчества и назначения искусства в интерпретации Ч. Айтматова (на примере автобиографического очерка «Заметки о себе») // Филология и культура. 2013. № 4 (34). С. 184–187.
- Иманкулов Д. Р.** Ч. Айтматов и советский многонациональный театр: Автореф. дис. ... канд. искусств. Л., 1990. 35 с.
- Карим М.** О писателе Ч. Айтматове // Литературная газета. 1978. № 50. 13 дек.
- Ковтун Н. В.** «Дорога к Храму...»: как её видят автор и персонажи (на материале прозы В. Г. Распутина) // Вестник НГУ. Серия История, филология. 2018. Т. 17, № 9. С. 168–186.
- Коркина О. Г.** Концепция человека и мира в романе социологического и критического реализма // «Плаха» Чингиза Айтматова и «Доктор Фауст» Томаса Манна. Пермь, 1988.
- Круглый стол «Религиозное литературоведение: обретения и утраты» // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2006. № 3. С. 90–146.
- Лебедева Л.** Повести Ч. Айтматова. М.: Худож. лит., 1972. 77 с.
- Мирза-Ахмедова П. М.** Национальная эпическая традиция в творчестве Ч. Айтматова. Ташкент: Фан, 1980. 92 с.
- Мироненко Е. Л.** Фольклорно-мифологический контекст художественной прозы Ч. Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алматы, 2002.
- Мискина М. С.** Фольклорно-мифологические мотивы в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 24 с.
- Новикова А. В.** Сравнительный анализ произведений Чингиза Айтматова на русском, немецком и английском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.

- Пу Сяо Лун.** Авторская концепция национального характера в прозе Чингиза Айтматова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 18 с.
- Селивёрстов М.** Откровения о любви. Заметки о творчестве Ч. Айтматова. Фрунзе: Кыргызстан, 1966. 147 с.
- Силантьев И. В.** Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике: Очерк историографии. Новосибирск: ИДМИ, 1999. 104 с.
- Строилов Л.** Творчество Чингиза Айтматова в западноевропейской критике. Фрунзе: Кыргызстан, 1988. 128 с.
- Тамаева Х. Н.** Духовно-нравственный и художественный мир Чингиза Айтматова и его мотивы в северокавказской прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2010. 27 с.
- Шевченко Л.** Уроки освоения традиций и новаторство в творчестве Ч. Айтматова // Вопросы литературы народов СССР. 1990. Вып. 16.

References

- Ajtmatov Ch. T.** Plakha: romany [The Scaffold. Novels]. Alma-Ata, Zhalyyn Publ., 1987, 574 p. (in Russ.)
- Amineva V. R.** Mifologizm v proze Ch. Aitmatova i sovremennykh tatarskikh pisatelei [Mythologism in the Works of Ch. Aitmatov and Modern Tatar Writers]. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2013, no. 2 (32), p. 45–51. (in Russ.)
- Asanaliyev K. A.** Otkrytie cheloveka sovremennosti. Zаметки o tvorchestve Ch. Aitmatova [The Discovery of the Modern Man. Notes on Ch. Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1968, 150 p. (in Russ.)
- Bocharov S. G.** O religioznoi filologii [On Religious Philology]. In: *Literaturovedenie kak problema [Literary Studies as a Problem]. Works of the Academic Council Literary Studies in the Context of Cultural Studies. In the Memory of Alexander Viktorovich Mikhailov.* Moscow, Nasledie Publ., 2001. (in Russ.)
- Gachev G.** Chingiz Aitmatov i mirovaya literatura [Chingiz Aitmatov and World Literature]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1982, 285 p. (in Russ.)
- Glinkin P. E.** Chingiz Aitmatov [Chingiz Aitmatov]. Leningrad, Prosveshchenie Publ., 1968, 112 p. (in Russ.)
- Gumanitarnaya mysl': svetskaya ili religioznaya? [Humanitarian Thought: Secular or Religious?]. M. Gasparov, S. Zenkin, V. Nepomnyashchii, B. Paramonov, A. Retblat, I. Rodnyanskaya. *Znaniya [The Standard]*, 2000, no. 7. (in Russ.)
- Imankulov D. R.** Ch. Aitmatov i sovetskii mnogonatsional'nyi teatr [Ch. Aitmatov and the Soviet Multi-National Theater]. Cand. art. diss. Leningrad, 1990, 35 p. (in Russ.)
- Karim M.** O pisatele Ch. Aitmatove [On Ch. Aitmatov, the Writer]. *Literaturnaya gazeta [The Literary Newspaper]*, 1978, no. 50, December 13. (in Russ.)
- Korkina O. G.** Kontseptsiya cheloveka i mira v romane sociologicheskogo i kriticheskogo realizma [The Concept of Man and the World in Social Realist and Critical Realist Novels]. In: «Plakha» Chingiza Aitmatova i «Doktor Faust» Tomasa Manna [Chingiz Aitmatov's *The Scaffold* and Thomas Mann's *Doctor Faustus*]. Perm, 1988. (in Russ.)
- Kovtun N. V.** «Doroga k Khramu...»: kak eyo vidyat avtor i personazhi (na materiale prozy V. G. Rasputina) [“The Way to the Temple...”: How the Author and Characters See It (on the material of V. Rasputin's prose)]. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2018, vol. 17, no. 9, p. 168–186. (in Russ.)
- Kruglyi stol «Religioznoe literaturovedenie: obreteniya i utraty» [Round Table Religious Literary Studies: Gains and Losses]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya [MSU Bulletin. Series 9: Philology]*, 2006, no. 3, p. 90–146. (in Russ.)
- Lebedeva L.** Povesti Ch. Aitmatova [Ch. Aitmatov's Novels]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972, 77 p. (in Russ.)

- Mironenko E. L.** Fol'klorno-mifologicheskii kontekst khudozhestvennoi prozy Ch. Aitmatova [The Folklore and Mythological Context of Ch. Aitmatov's Literary Works]. Cand. phil. sci. syn. diss. Almaty, 2002. (in Russ.)
- Mirza-Ahmedova P. M.** Natsional'naya epicheskaya traditsiya v tvorchestve Ch. Aitmatova [National Epic Traditions in Ch. Aitmatov's Works]. Tashken, Fan Publ., 1980, 92 p. (in Russ.)
- Miskina M. S.** Fol'klorno-mifologicheskie motivy v proze Chingiza Aitmatova [Folklore and Mythological Motifs in Chingiz Aitmatov's Works]. Cand. phil. sci. syn. diss. Tomsk, 2004, 24 p. (in Russ.)
- Novikova A. V.** Sravnitel'nyi analiz proizvedenii Chingiza Aitmatova na russkom, nemetskom i angliiskom yazykakh [Comparative Analysis of Chingiz Aitmatov's Works in Russian, German, and English]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 2006, 27 p. (in Russ.)
- Pu Xiaolong.** Avtorskaya kontseptsiya natsional'nogo kharaktera v proze Chingiza Aitmatova [Chingiz Aitmatov's Concept of National Personality]. Cand. phil. sci. syn. diss. Moscow, 1993, 18 p. (in Russ.)
- Selivyorstov M.** Otkroveniia o lyubvi. Zametki o tvorchestve Ch. Aitmatova [Revelations About Love. Notes on Ch. Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1966, 147 p. (in Russ.)
- Shevchenko L.** Uroki osvoeniia traditsii i novatorstvo v tvorchestve Ch. Aitmatov [Appropriation of Traditions and New Discoveries in Ch. Aitmatov's Works]. *Voprosy literatury narodov SSSR [Issues of USSR Literature]*, 1990, iss. 16. (in Russ.)
- Silantev I. V.** Teoriia motiva v otechestvennom literaturovedenii i fol'kloristike: Ocherk istoriografii [Theory of Motif in Russian Literary Studies and Folkloristics: A Historiographic Overview]. Novosibirsk, IDMI, 1999, 104 p. (in Russ.)
- Stroilov L.** Tvorchestvo Chingiza Aitmatova v zapadnoevropeiskoi kritike [Western European Criticism of Chingiz Aitmatov's Works]. Frunze, Kyrgyzstan Publ., 1988, 128 p. (in Russ.)
- Tamaeva H. N.** Dukhovno-nravstvennyi i khudozhestvennyi mir Chingiza Aitmatova i ego motivy v severokavkazskoi proze [Spiritual, Moral and Artistic World of Chingiz Aitmatov and His Motifs in North Caucasus Prose]. Cand. phil. sci. syn. diss. Maikop, 2010, 27 p. (in Russ.)
- Voronov V.** Chingiz Aitmatov. Ocherk tvorchestva [Chingiz Aitmatov. An Overview of His Works]. Moscow, Sovetskii pisatel' Publ., 1976, 229 p. (in Russ.)
- Zhiglyi Yu. V.** Problemy tvorchestva i naznacheniiya iskusstva v interpretatsii Ch. Aitmatova (na primere avtobiograficheskogo ocherka «Zametki o sebe») [The Problem of Art and the Purpose of Art in Ch. Aitmatov's Interpretation (on Example of the Autobiographical Essay *Notes on Self*)]. *Filologiya i kul'tura [Philology and Culture]*, 2013, no. 4 (34), p. 184–187. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию
Received
10.08.2019

Сведения об авторе

Шевчугова Екатерина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации института филологии и языковой коммуникации, Сибирский федеральный университет (пр. Свободный, 79, Красноярск, 660041, Россия)
e.pinzenina@gmail.com

Information about the Author

Ekaterina I. Shevchugova, Candidate of Philology, Associate Professor of the Chair of the Russian Language, Literature and Speech Communication of the Institute of Philology and Language Communication, Siberian Federal University (79 Svobodny Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation)
e.pinzenina@gmail.com